

Надежда БАЛАНДИНА

Государственный университет "Одесская политехника"

УКРАИНОФИЛЬСТВО КАК ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА МЕДИАОБРАЗА ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ПОЭТА ТОМАША ПАДУРЫ

Ключевые слова: Томаш Падура, польско-украинский поэт, медиаобраз, символ, украинофильство, массмедиа

Средства массовой коммуникации являются мощным фактором воздействия на аудиторию, и транслируемая ими информация зачастую становится точкой отсчета восприятия окружающего мира в целом и его составляющих в частности. В большинстве случаев происходит формирование типизированных, упрощенных медиаобразов стереотипного характера, выполняющих функцию социальной ориентации и идентификации, на которую впервые обратил внимание У. Липпман в работе "Общественное мнение" (Липпман 2004). Зачастую эти образы имеют нейтральный характер, пока информация не касается отдельного человека, определенной группы (этнической, языковой, религиозной и т. п.), государства. Нейтральные характеристики в этом случае могут приобретать ярко выраженные положительные либо отрицательные коннотации. Механизм их формирования и продвижения на различных медиаплатформах вызывает среди ученых живой научный интерес. Исследуются, в частности, стереотипные медиаобразы государств (В. Бутырский, В. Мусийчук), этнических групп (С. Ворончук, Т. Колосок), гендерно и социально маркированных типов (А. Гришина, Т. Давыдова, Ю. Маслова), отдельных личностей (Г. Лещишин, О. Хамедова) и т. п. Если говорить о знаковых личностях, то внимание массмедиа сосредоточено преимущественно на современниках – главах государств, популярных политиках, известных писателях, публицистах, режиссерах, ведущих телепередач, являющихся «лидерами мнений», «агентами влияния» в пределах той или иной социальной группы. В то же время не мень-

ший научный интерес представляют знаковые фигуры прошлого, образы которых эволюционируют и активно продвигаются средствами массовой коммуникации, получая новое осмысление.

В нашем случае речь идет о Томаше Падура (по-польски – Tomasz Padurka) (1801–1871), польско-украинском поэте и композиторе, представителе польского романтического украинофильства и казакофильства первой половины XIX в., предполагаемого автора популярной в Польше и Украине песни «Hej, sokoły!» («Гей, соколы!»), особенность творчества и гражданская позиция которого освещались в работах украинских и польских ученых: В. Гнатюк, С. Щурат, В. Ершов, Г. Радышевский, В. Радовский, Н. Баландина и др., Г. Инглот, К. Якубовская-Кравчык, К. Маслонь, А. Брацки и др. Исследователи отмечают, что еще при жизни Т. Падура стал знаковой фигурой, которая рассматривалась современниками неоднозначно, в зависимости от их политических, социальных и личностных предпочтений. Одобрительно отзывались о поэте поляки-кресовьяне С. Гошинский, Б. Залесский, В. Поль, Ю. Словацкий, Ю. Шуйский, критически – Т. Евецкий, Ф. Равита-Гавронский, Ю. Ролле, И. Фиш (см. об этом, например: Ершов 2008: 441–442). Но, как бы то ни было, красноречивым является отмеченный Л. Карабан факт, что в 1886 г. в Варшаве вышел сборник стихов известных зарубежных поэтов, в который наряду с произведениями И. Ф. Шиллера, И.-В. Гете, Г. Гейне, А. Пушкина и М. Лермонтова вошли двенадцать дум Томаша Падуры (Карабан 2014: 118); его стихи также были напечатаны в книге «Твори Маркіяна Шашкевича і Якова Головацького, з додатком творів Івана Вагилевича і Тимка Падури» (1913 г.) (Стеблій 2012, [http](http://)).

Украинская творческая интеллигенция относилась к Т. Падура с определенной предубежденностью, не воспринимая как «своего», несмотря на то, что Т. Падура одним из первых на Правобережной Украине начал писать свои поэтические произведения на украинском языке, хотя и латиницей (собственно, это была одна из попыток составления украинского алфавита на латинской основе). Более того, как отмечает В. Гнатюк, Т. Падура решился упрекать украинцев за приспособленчество к великодержавной политике Москвы, за то, что они «чураются славного прошлого», придумывают теорию «Малой Руси», как родной сестры Руси Великой (Гнатюк 2002: 123).

На несправедливое умаление роли Т. Падуры со стороны Т. Шевченко, П. Кулиша, Н. Костомарова, Н. Грушевского, И. Франко, С. Ефремова указывал В. Радовский (Радовський 2016: 33–34), пытаясь при этом объяснить истоки такого неприятия. Расхождение в оценках современников и ученых свидетельствует о сложности фигуры Томаша Падуры, интерес к которой активизировался в последнее время в связи со стремлением Украины интеле-

гириваться в европейское пространство, наладить отношения со своими ближайшими западными соседями, в частности с Польшей. Образ Падуры как польско-украинского поэта и апологета идеи польско-украинского единения как никакой другой гармонично вписывается в современные политические и культурные контексты. Не удивительно, что массмедиа, найдя новую точку опоры, принялись за «раскрутку» образа, в определенной мере превращая его в символ.

Создание новых символов, которые ассоциируются с достаточно длительной историей сосуществования украинского и польского народов в одном государстве, является важным для медиа стратегическим ресурсом, так называемой мягкой силой для продвижения положительного имиджа Украины. Благодаря этому голос страны на международном уровне звучит убедительнее, провозглашаемые ею идеи актуальнее, а ее саму делают более привлекательной для внешних целевых аудиторий, в том числе туристических и инвестиционных. Поскольку проблема трансформации ранее неоднозначного образа Томаша Падуры в символический не нашла должного освещения в отечественной и зарубежной науке, можно считать, что она заслуживает внимания и является актуальной.

Цель работы – определение составляющих медиаобраза Томаша Падуры как символа польско-украинского единения в средствах массовой информации. Соответственно, круг исследовательских задач включает наблюдение за процессом символизации, который тесным образом связан с актуализацией определенных фактов биографии, мировоззренческих позиций, подвижнической деятельности, оценки творчества и их подачи под определенным углом зрения.

Объектом анализа является медиаобраз Томаша Падуры, представленный в украинских интернет-изданиях, предметом – составляющие образа, их прагматические коннотации, способствующие превращению образа в символ.

Эмпирическую базу составляют 25 публикаций из всеукраинских и региональных интернет-изданий: «День», «Літературна газета», «Україна молода», «Укрінформ», «Друг читача», «Глобал аналітик», «Міграція», «Подільські вісті», «Вінницькі новини», «Моя Вінниця», «ВінницяОК», «ВежаА», «ВЛАСНО.info», «20 хвилин», «FINENEWS.INFO», «Новини Полтавщини», «Бартка», «Мислене древо», «UAHistory», «UAModna», «Zhytomyr.travel», «RIA Козятин», «Mozaika Berdyczowska» и т. п., начиная с 2016 г., когда отмечался двойной юбилей поэта (215 лет со дня рождения и 145 годовщина смерти), а также когда в с. Махновка Казатинского района Винницкой области нашли утерянную надгробную плиту, установив тем самым точное место захоронения, и открыли мемориальную доску в Ильинцах Винницкой области (город, в котором родился поэт). Обнаружение

утерянной могилы, годовщина рождения и смерти, установка памятной доски – эти события стали информационными поводами не только для новостных лент, но и для других материалов, прямо или косвенно связанных с Т. Падурой, способствовали активному продвижению его образа на различных медиаплатформах.

Отличительной чертой собранной эмпирической базы является ее вторичность, поскольку исторические факты в основном изложены с привлечением Википедии, краеведческих справочников и других преимущественно ненаучных источников. При этом, собирая, обрабатывая и распространяя информацию, СМИ оперативно подстраиваются под сиюминутные общественные запросы, и, как это порой случается, допускают в изложении фактов немало неточностей и погрешностей.

Основными методами интерпретации образа Т. Падуры в украинских интернет-изданиях служили контент-анализ, который помог выявлению публикаций, прямо или косвенно связанных с поэтом, а также определению информационного повода, содержательных акцентов и преобладающей тональности; компаративный метод применялся с целью экспликации основных тенденций в формировании образа как символа.

СМИ, сосредотачиваясь на систематическом освещении знаковых фигур, в особенности из пограничья обитания народов, языков и культур, постоянно находятся в поисках информационного повода, чтобы удерживать к себе интерес. Способствуют этому юбилейные даты, открытие нетривиальных фактов биографии, новый подход к оценке творчества и т. п. Медиа не ограничиваются исключительно объективными данными, последние прорастают субъективными смыслами, выражающими взгляды автора, редакционной, а порой и государственной политики. Например, в статьях, и прежде всего в заголовках, прослеживается авторская стратегия выделения положительной стороны истории польско-украинских отношений, в частности украинофильства польской шляхты, достижений представителей так называемой «украинской школы» в польской литературе и места в ней Т. Падуры. Газеты цитируют панегирики его современников, в частности В. Поля, который считал, что *«Падуря относится к редким явлениям поэтического мира [...], потому что он писатель иного духа, писатель иного языка. Лишь после Падуры мог прийти Залесский и другие [...]; и прежде чем осмыслить исторические думы всего нашего края, [...] мы оглянемся на Падурю, и не только мы, а все во всей Славянице, потому что его песни простые, а думы имеют такое же значение для нашей литературы, как поэзия Гесиода для литературы греческой»* («Глобал аналітик»), выражают комплементарные оценки: *знаменитый земляк, выдающийся композитор, самобытная фигура, песенник Украины, певец побратимства украинцев и поляков, польско-украинский песенник, лях с душой запорожской, певец*

польско-украинского единения, поляк (польский kobzary / kobzary) с украинским сердцем, поборник дружбы славянских народов, певец казачества, автор гимна польско-украинской дружбы «Эй, соколы!», автор всемирно известной песни «Эй, соколы!», автор народного гимна Польши (о песне «Hej, sokoły!») и т. п.

Процесс мелиорации образа в современных массмедиа ярко проявляется на фоне оценок современников Т. Падуры, которые звучат в духе сдержанной, порой негативной тональности. Например, Л. Карабан приводит размышления польского критика С. Фиша, который осуждает «темные и запутанные образы» в творчестве Падуры, «допущение большого количества ошибок, которые противоречат природе языка», и «хаос». Критик противопоставляет поэта настоящим художникам слова, по произведениям которых можно изучать украинский язык, потому что они знают его и уважают. «Из произведений Падуры не получишь этой пользы, а столкнешься с впервые услышанными словами, которые запутывают гармонию стиха...» (Карабан 2014: 118). Это лишь пример одного из отзывов, выражающего мнения писателей, критиков, биографов, которые обычно избегают чрезмерного количества оценочных суждений и оперируют доказательствами. Говоря о языке произведений Падуры, нельзя не заметить определенную искусственность, особенно если обратиться к языку антологии «Ласточка», изданной в 1841 в Санкт-Петербурге, где были напечатаны произведения украинских авторов Л. Боровиковского, Е. Гребенки, В. Забилы, И. Котляревского, П. Кулиша, Гр. Основьяненко, А. Чужбинского, Т. Шевченко (Ласточка 1841). В то же время, польский исследователь А. Брацки совершенно справедливо утверждает, что язык произведений Т. Падуры отражал традиции народной поэзии восточных «кресов» первой Речи Посполитой, это в определенной мере интимный язык его «малой» отчизны, настолько интимный, что на нем можно говорить только об интимном и самом дорогом (Брацки 2013: 191).

Стратегия СМИ в этом случае несколько другая, кроме информирования, предполагается воздействие на широкие массы и формирование общественного мнения преимущественно в сторону романтизации украинско-польских отношений, примирения народов на почве ряда конфликтов. В этом процессе нельзя не заметить и определенную маркетинговую составляющую: Т. Падурю как бренд-name ненавязчиво продвигают на культурно-просветительском, музыкальном, поэтическом, туристическом полях, о чем конкретнее будет сказано ниже.

И хотя в этом исследовании не берутся во внимание оценочные суждения из современной польской прессы, поверхностный ее просмотр позволяет выдвинуть гипотезу, что большинство из представленных выше оценок актуальны и для польского читателя и практически не зависимы от си-

туативного и временного контекстов. Склоняемся к мысли, что смысловое ядро формируют нейтральные выражения типа *польско-украинский поэт, автор известной песни «Эй, соколы!»*, *автор народного гимна поляков*, являющиеся своего рода польско-украинскими универсалиями, поскольку так называемый внутренний (украинский) медиаобраз поэта коррелирует с внешним (польским). Следует также отметить, что отношение поляков к личности Т. Падуры более сдержано, о чем свидетельствует сравнение статей Википедии в украинском и польском контентах. Например, в польском контенте в рубрике «Оценка творчества» сначала приведены критические замечания Я. Головацкого и Ф. Равиты-Гавронского и лишь затем в виде ремарки говорится о популярности в Украине (Tomasz Padura, [http](http://)). Интересно и то, что в украинском контенте Википедии оценка творчества вообще отсутствует (Гимко Падура, [http](http://)).

Более глубокая обработка фактического материала свидетельствует, что речь идет о многогранном образе, стержень которого образуют указанные выше именованная, находящиеся друг к другу в отношениях смыслового сходства. Стержневой, опорный конструкт в прессе разветвляется в виде детализаций, уточнений, оценок. Внимание журналистов целенаправленно сосредотачивается на наиболее весомых и ярких фактах, среди которых выделяются несколько информационных блоков: а) биографического (в узком понимании этого слова); б) идейно-подвижнического; в) творческого; г) мемориального и д) футуристического характеров. Их содержание будет раскрыто ниже, хотя уже сейчас в качестве тезиса отметим, что каждый из блоков представляет процесс мелиорации образа Т. Падуры, как символ польско-украинского единения, как «инструкцию» для последующих сообщений, смысл которых реципиент будет воспринимать в готовом виде и руководствоваться в своих взглядах и действиях.

Что касается освещения биографических данных, то в целом газеты с большей или меньшей полнотой представляют даты рождения и смерти поэта, шляхетское происхождение его рода. В сравнительно целостной стратегии статей прослеживается незначительное отличие в подходах освещения информации, зависящие от ряда факторов: заданного объема материала, жанровой специфики, уровня профессионализма, владения методами и технологиями освещения жизнеописания, профессионального опыта и ответственности журналистов.

В статьях можно проследить авторскую обработку доступного биографического материала с привлечением средств художественной выразительности, в частности, эпитетов: *знаменитый земляк, замечательные песни, прекрасный лирник, большой романтик, знаменитая песня, благозвучная тональность, самобытный колорит*; метафор: *сокол, гранеслов, кобзарь, стон украинской лиры*; синонимов: *Томаш – Тымко Падура – Падуorra, ро-*

дился – появился на свет, городок Ильинцы – город на Собом, Винницкая область – Винничина, кладовицк – коморник – присяжный землемер, небольшой домик с участком земли – дом и досточно большой участок земли; гипербол – «народный гимн поляков» (о песне «Hej, sokoły!») («День»), «Его песни известны, уважаемы и любимы до сих пор поляками» («ВінницяОК») (в действительности, широкому кругу известна только одна песня – «Hej, sokoły!», которую многие поляки считают народной), «Ему обязаны и украинские писатели» («Mozaika Berdyczowska») (из научных источников известно, что украинские писатели в большинстве относились к творчеству поэта критически). Биографический материал незначительно модифицируется, ср.: *прибыли из Закарпатья – прибыли из территории Закарпатья* (о предках Падуры); *польский шляхтич – обедневший польский шляхтич, шляхтянка из Плоцка – шляхтянка из Плоцка (герба Задора)* или же, наоборот, сокращается: *умер 20 сентября 1871 года в семидесятилетнем возрасте в Казатине, пребывая в гостях у своего друга Васютинского – умер 20 сентября 1871 года в семидесятилетнем возрасте в Казатине – умер 20 сентября 1871 года в семидесятилетнем возрасте – умер 20 сентября 1871 года.*

В отдельных статьях прослеживается тенденция всеми приемлемыми способами подчеркнуть, что герой сообщений «наш», украинский, в соревновании польского и украинского векторов как правило побеждает украинский. Процесс освоения Т. Падуры, превращения в «своего», происходит благодаря использованию значительного количества притяжательных местоимений (*наш земляк, на нашей земле*), региональная пресса непременно подчеркивает пребывание писателя в конкретной локации: *на нашей казатинской земле, знаменитый подолянин.*

При более глубоком погружении в контент наблюдается идентификация Падуры как «своего» на основе этнической принадлежности, языка, территории пребывания, взглядов, творческого наследия.

Лишь некоторые статьи представляют Т. Падуру как поляка: «*польский композитор, поэт и автор песни «Эй, соколы!»*» («Новини Полтавщини»), в других пытаются уравновесить украинскую и польскую идентичность, подчеркивая украинский стержень и акцентируя внимание на: а) творчестве и подвижнической деятельности: «*польский композитор с украинской душой*» («ВЛАСНО.info»), «*украинский поэт польского рода*» («Мислене древо»); б) месте рождения: «*Этнический поляк, родившийся на территории Российской империи и, соответственно, имел российское гражданство. При этом, земли, где он родился, несмотря на российское владение, были украинскими. И именно благодаря этому Падура частично был еще и украинцем. В наибольшей степени это проявлялось в его деятельности в течение всей жизни*» («ВежаА»); в) вероисповедании: «*Не исключено, что по*

линии отца Яна Падуры юноше достались не только польские, но и украинские гены, на что прозрачно намекает весьма интересная архивная находка: в свое время он был крещен в селе Бабин Липовецкого уезда в униатской церкви» («Україна молода»). Встречаются и достаточно категорические утверждения: родители – «украинцы по происхождению» («Глобал аналітик»), соответственно, косвенно внедряется мысль, что и Падура – украинец, или, наоборот, говорится обобщенно, размыто, что позволяет слова наполнить новыми смыслами: «предок семьи Падуры – закарпатский славянин» («Вінницькі новини»). Одна из газет цитирует мнение самого Падуры, который не отдавал предпочтения какой-либо из сторон своей национальной идентичности, поэтому писал: «родом рутенец, по национальности поляк» («FINENEWS.INFO»).

Как утверждают ученые, поэту с пограничья народов, языков, культур было трудно определиться относительно своих истоков: Украину он считал своей матерью (Но ты, Украина, ты мне мать («Руśма », 117)), Польшу – Отечеством (*Polsko, najmilsza ojczyzna moja!* («Руśма», 357).), украинцев – земляками (Цит. по: Гнатюк 2002: 121)).

Ему одинаково близки идеи, символы, приоритеты обоих народов. С одной стороны, Т. Падура – автор многочисленных казацких дум и песен, написанных на украинском языке и изданных в сборнике «Ukrainku», а с другой, выразитель интересов польской шляхты, которая мечтала об Украине в составе Речи Посполитой. Конечно, эти взгляды в силу различных обстоятельств не всегда совпадали с намерениями лучших представителей украинской интеллигенции. Ситуацию, в которой оказался Т. Падура, В. Ершов называет крайне уникальной и непростой, поэт чувствовал себя «как свой среди чужих, чужой среди своих» (Ершов 2008: 443). Трагедийность потери ощущения этнической идентичности вызывали раздвоенность в душе и творчестве, меланхолические настроения, которые преследовали поэта до конца жизни.

Освоение поэта происходит также по языковому признаку. Одни газеты утверждают, что «с раннего детства Тымко свободно разговаривал на украинском языке» («Глобал аналітик»), «по-украински юноша разговаривал всегда» («Друг читача»), «разговаривал на украинском и в детстве, и в зрелом возрасте» («Україна молода»), другие пишут: «Обучаясь в Виннице, Падура хорошо овладел украинским языком» («ВЛАСНО.info»), «в местной приходской школе и в винницкой гимназии Томаш учился вместе с земляком и ровесником Северином Гощинским, будущим известным литератором. Ребята-поляки дружили, разговаривали между собой на украинском языке» («Літературна газета»). Конечно, пребывая в двуязычной среде, Томаш, для которого семейным языком был польский, не мог не знать украинского. Газеты отмечают: «Вместе с отцом он много путешествовал по близле-

жащим городкам и селам, там он мог наблюдать за жизнью украинских крестьян, слушать их песни и предания» («ВежаА»), обучаясь в Виннице, начал писать стихи на украинском языке, используя польскую графику. Одна из газет подчеркивает, что именно в 1820 году в Виннице «Томаш [...] скорее всего стал Тымком» («ВежаА»). Другая утверждает, что украинизированное имя Тымко появилось во время агитационной поездки по Украине в 1928–1829 гг., «Поскольку имя Томаш не слишком подходит к казацкой среде, Падурра становится Тымком, а из фамилии исчезает удвоенное «р», что точнее соответствует особенностям украинского языка» («Україна молода»). Только в одной статье встречаем критическое замечание относительно языка поэта со ссылкой на Я. Головацкого, «который довольно сдержанно отзывался о Тымке Падуре, подчеркивая, что последний не писал на чистом украинском языке, а его произведения скорее были написаны украинско-русско-польско-церковнославянской мешаниной» («Моя Винниця»). Попутно отметим, в защиту языка произведений Т. Падурры высказывался и польский исследователь М. Инглот, который утверждал, что поэт использовал наречие, которое, как и любая языковая система такого рода открыта чужим влияниям. «Собственно, таким было состояние украинского языка, которое Падурра отображал правильно» (Inglot 1984: 46). В целом соглашаясь с этим мнением, следует уточнить, что речь все же идет о наречиях Подолья и Волыни, подверженных влиянию языков западных соседей, прежде всего польского, но не Надднепрянской Украины.

Истоки формирования украинофильского медиаобраза и его типологических особенностей находим в описаниях детских и юношеских увлечений: «Еще с детства он заинтересовался украинским фольклором» («День»), «с раннего детства Тымка привлекало все украинское: обычаи, одежда, речь» («Друг читача»), «Он увлекался историческими песнями и рассказами из жизни казаков, слушал песни кобзарей и лирников о далеком прошлом. Когда он познакомился с произведениями Байрона и Оссиана, то увлекся идеей написать историю Украины в стихах. Тымко собирал песни и народные легенды, вслушивался в стон украинской лиры. В Кременце изучал историю Польши и Запорожской Сечи» («Глобал аналітик»). В одной из статей приведены воспоминания детства уже немолодого поэта «о неизгладимом впечатлении, которое произвело на него пение лирника в бывшей казацкой столице – Кальнике»: «... Кажется мне, что я еще слышу твой голос пророческий, как он говорит обо мне присутствующим: «Это будет душа запорожская!» («Україна молода»).

В прессе прослеживается преемственность интереса поэта к украинской истории и фольклору: после обучения Падурра занялся «изучением репертуара странствующих кобзарей и игре на бандуре» («Бартка»), «Кроме этого он взялся за детальное изучение истории Украины, в частности

перечитывал собрания исторических документов Киевской архиепархии. Параллельно с этим он развивал свой литературный талант и зачитывался творчеством Адама Мицкевича. В частности, переводил на украинский фрагменты его поэмы «Конрад Валленрод» («ВежА»).

Украинофильская парадигма выстраивается также с привлечением взглядов и убеждений: *«Он бесконечно любил Украину, прославлял ее историю и культуру, желал светлого будущего украинскому и польскому народам-братьям. О большой любви Тымка Падуры к Украине свидетельствует название сборника стихов-песен – «Украинки» (сайт Іллінецької районної ради. <http://www.illintsi-rada.gov.ua>). В статьях отмечается романтическое стремление поэта сблизить украинский и польский народы, одобряется система ценностей и взглядов: говорится об общности происхождения поляков и украинцев как потомков племени полян; пишется о поисках путей примирения, несмотря на вражду, вспыхнувшую в XVII–XVIII вв.; необходимость усиления взаимосвязей между двумя народами. Более того, один из авторов подчеркивает, что взгляды Падуры «навсегда останутся на острие государственного строительства и международных политических вопросов, связанных с мирным сосуществованием народов. В этом, на мой взгляд, и заключается величие Т. Падуры» («Mozaika Berdyczowska»).*

Из газет узнаем, что революционные идеи привели его к сотрудничеству с польскими патриотическими сообществами. Вместе с единомышленниками он мечтал о возрождении казачества и становлении украинского государства как автономии в пределах восстановленной Речи Посполитой. Польские тайные общества, которые действовали на Подолье, развивая эти идеи, готовили освободительное восстание, искали поддержки среди украинского крестьянства. Одним из ярких пропагандистов этих идей был Т. Падура: он ходил по селам, распевая свои песни и думы. Однако надежды польских мятежников не сбылись, украинские крестьяне их не поддержали.

В медиальном дискурсе высказывается мнение, что основной причиной равнодушия простых украинцев к польской освободительной борьбе было закрепощение крестьянства, которое *«уже прочно вошло в душу потомков воинственных казаков»* («Міграція»), ученые же отмечают, что крестьяне также помнили жестокие притеснения польских магнатов. Да и сам Т. Падура критиковал не только абсолютистский российский монархизм, но и польский конституционный. В разделах Речи Посполитой обвинял короля Станислава-Августа, магнатов и дворцовую партию. Ответственность за уманскую резню он также возложил именно на них. Этот взгляд, как отмечает В. Гнатюк, он выразил в незаконченном историческом очерке «Rzeź humańska» (Гнатюк 2002:119). Не совсем объективным является и мнение о том, что он «читал свои произведения на собраниях прогрессивно настро-

енных украинцев и поляков» («Літературна газета»). В научной литературе не засвидетельствован ни один факт участия Т. Падуры в таких собраниях. Наоборот, он единственный заметил несправедливый отбор делегатов на одном из тайных собраний 1825 года, когда сошлись представители разных славянских народов, прежде всего польской шляхты и русских дворян-декабристов. *«А знаете, господа, – обратился он к присутствующим, – мы забыли об одном великом славянском народе!», ... «о хозяине этого дома, где мы собрались, забыли – об украинском народе». И все согласились с Падурой, а он объявил себя представителем украинского народа»* (См. об этом, например: (Єршов 2008: 435)).

Несколько нарушает украинофильскую парадигму окружение поэта, которое в основном состояло из поляков, однако прогрессивные идеи, которые оно генерировало и на которые непременно указывают авторы статей, оказались более весомыми. Еще в Кременецком лицее Т. Падура вступил в студенческое литературное общество, сердцевину которого составляли будущие польские литераторы Францишек Ковальский, Спиридон Осташевський, Маврикий Гославский, известные своей глубокой симпатией к Украине, что также способствовало взаимному развитию и обогащению талантов. Неоднократно упоминаются представители «украинской школы» в литературе Польши, в которую входили Юлиуш Словацкий, Михал Чайковский, Северин Гощинский, Богдан Залесский, Антоний Мальчевский и др. Сетуют, что в Украине *«очень мало знают об этих ярких и талантливых людях»* («Глобал аналітик»).

Среди других особенно выделяют фигуру Северина Гощинского – друга детства: *«С. Гощинский считал, что свобода поляков невозможна без свободы украинской. Этой идее он посвятил всю свою жизнь, за что Франко назвал его поэтом-героем»* («Літературна газета»). Отмечают, что Т. Падура в «украинской школе» *«стоит особняком. Если в произведениях подавляющего большинства писателей этого направления украинские реалии присутствуют на уровне тем, образов и идей, а сами они, без сомнения, представляют искусство слова Речи Посполитой, то Падура органично вписался в обе литературные традиции – и в польскую, и в украинскую, ведь писал на двух языках. Оба народа имеют полное право считать поэта своим»* («Україна молода»).

Кроме писательского круга Падура поддерживал дружеские контакты с харизматической личностью – графом-казакофилом Вацлавом Ржевуским, в имени которого в Саврани долгое время жил и оказывал значительное влияние на магната. Именно в Саврани была открыта школа лирников, бандуристов и торбанистов, в которую входили поэт Ян Комарницкий, композитор-торбанист Гжегож Видорт и которую возглавил Томаш Падура. Не имея постоянного места занятий, Падура, как тогда велось среди творче-

ских людей, подолгу гостил у других магнатов-меценатов – Потоцких, Сангушков. Под конец жизни, с 1858 года, поддерживал дружеские связи с помещиком Марьяном Васютинским из Казатина, тогдашним владельцем села. Кроме тесной связи с поляками отмечаются также контакты с руководителями декабристского движения – Сергеем Муравьевым-Апостолом и Кондратием Рылеевым, киевским митрополитом Евфемием Болховитиным, вдохновенным собирателем украинской старины, а также князем Сергеем Волконским и его братом генералом Николаем Репниным.

Можно убедиться, что окружение Падуры составляли преимущественно поляки – творческая интеллигенция, магнаты-меценаты, а также представители российского прогрессивного дворянства. Несмотря на различие в национальной и конфессиональной принадлежности, их объединяли социальное положение и передовые либертарианские идеи, противостояние царскому монархизму, провозглашение права народов на самоопределение и романтическая увлеченность украинской историей. В то же время все они были слишком далеки от реальных чаяний простого украинского народа.

Национальная и культурная идентичность, образ жизни, система ценностей так или иначе связаны с территорией, на которой пребывал Падура. Из газет узнаем об Ильинцах – месте рождения поэта; Виннице и Кременце – местах учебы; Житомире, где Тымко некоторое время проживает у своего старшего брата; Василькове и Белой Церкви, где посещает собрания декабристов; затем Тетиеве и Ружине – имениях князей Сангушков, где была написана песня польских повстанцев «Рухавка»; некоторое время проживает у Потоцких в Умани, бывает на Волини, в Киеве. Наиболее тесные дружеские отношения сложились у Томаша Падуры с графом Вацлавом Ржевуским, по приглашению которого он поселился в Саврани Балтского уезда Подольской губернии. Оттуда в 1828–1829 годах он начинает свое агитационное путешествие вдоль Южного Буга до его устья, следует к Днепровскому лиману, а затем направляется на Кубань, где осели казаки с разгромленной Сечи. Это путешествие длилось целый год. По пути Падура посещает остров Хортицу. С приближением зимы отправляется на Надднепрянскую Украину, путешествуя то по правому берегу реки, то переправляясь на левый. Чигирин, Черкассы, Корсунь, Гадяч, Батурин, Полтава (где, вероятно, знакомится с И. Котляревским). В это же время он не прекращает свою творческую деятельность, например, под стихотворением «Запорожец» проставлено «Гадяч, 1928».

В 1829 г. он едет в Варшаву, чтобы отдать в печать свои произведения. После поражения ноябрьского восстания польской шляхты длительное время практически безвыездно живет в Махновке, куда семья переехала после смерти отца, правда, на непродолжительное время поселившись в с. Мшанец Бердичевского уезда, местом проживания семьи были также

Сошанское, Самгородок, Синарна (Свинарна), Березовка. В начале сороковых годов некоторое время работает домашним учителем в соседнем Пикове, гостит у друзей, занимается изданием произведений. В 40-х годах XIX века, выиграв в варшавской лотерее десять тысяч рублей, путешествует по Италии, в 1848 г. едет в Прагу, где принимает участие в Славянском съезде идеологов панславизма. Когда деньги закончились, снова возвращается в Махновку, где живет незаметно до самой смерти. Умирает в 1871 году в Казатине в имении своего друга М. Васютинского.

Как видно из публикаций, география пребывания Падуры весьма символична, прежде всего, это Волынь и Подолье – колыбель, место силы таланта поэта. Путешествия вдохновляли его на новые идеи и имели подвижнический характер. Вполне возможно, что идею и стилистику знаменитой песни «Hej, sokoły!», которую приписывают Т. Падуры, он позаимствовал из известной патриотической общеславянской песни «Гэй, славяне!», написанной сначала как «Hej, Slovaci!» в 1834 словаком Само Томашеком, а затем во времена распространения идей панславизма переведенную на многие славянские языки.

Ни одна статья о Падуры не обходит вниманием песню «Hej, sokoły!», собственно формируя сердцевину его творческого наследия в украинских медиа. Журналисты несколько безапелляционно утверждают, что она была написана в начале 40-х годов в двух вариантах – украинском и польском. Ученые в этом плане более осторожны, по крайней мере, особенно в отношении авторства украинского варианта. Из одних газетных статей узнаем, что песня была написана в Махновке («Подільські вісті»), в других – в Пикове («UAModna»). Отмечают необычайную популярность в Польше и Украине, а также за их пределами, говорят о десятках различных версий, в том числе в интерпретации украинских творческих коллективов «Пиккардийская терция», Владимира Верминского, Олега Скрипки и др. Ссылаются на фильм Ежи Гофмана «Огнем и мечом», где она несколько раз звучала в качестве саундтрека.

И хотя Падуру представляют широкой общественности прежде всего как автора «Соколов», в отдельных статьях, написанных, вероятно, уже с привлечением научных исследований, упоминают и другие песни, созданные еще во времена учебы в Кременце – «Козак» и «Лірник», которые сразу же обрели популярность. Возможно, и потому, что музыку к «Лірнику» написал Николай Лысенко. Узнаем также, что в целом Т. Падура является автором двух сотен произведений на украинском и польском языках, представленных в сборниках «Pienia...» (1842), «Ukrainky...» (1844), «Ryśma...» (изданы посмертно – 1874), «Співанки» (изданы посмертно – 1878), среди наиболее известных – «Рухавка», «Запорожець», «Гетьманці», «До Дніпра», «Післяр», «Січовик», «Гей, я козак з України», причем к некото-

рым своим текстам он подобрал мелодии. Песня «Рухавка», написанная на украинском языке, стала боевой песней польских повстанцев (1830–1831 гг.), ее исполняли на мелодию «Варшавянки».

Особенно подчеркивается, что кроме песен он писал «думы о выдающихся деятелях казацкого периода, восхвалял подвиги «славных запорожцев» и призывал внуков и правнуков казаков к братанию с поляками во имя общей борьбы против русского царизма» («Главком»). Отмечается, что о большой любви «Тымка Падуры к Украине свидетельствует название сборника стихов-песен – «Ukrainku» (сайт Іллінецької районної ради. <http://www.illintsi-rada.gov.ua>). Говорится также о том, что Падура якобы находит «следы запорожцев даже там, где никто не мог бы и предположить. Неординарным свидетельством этого является его «Сказка об атамане Ермаке» ... . Автор пишет, что сподвижниками завоевателя Сибири Ермака были запорожские казаки. Впоследствии научные исследования подтвердят художественную догадку» («Україна молода»). В газете «Подільські вісті» пишут о еще не доказанном факте, что якобы песня «За Сибирью солнце всходит» о народном мстителе У. Кармалюке, которую считают народной, имеет авторов: слова написали Томаш Падура и Ян Комарницький, музыку – Вацлав Ржевуский. Перечислены также исторические работы: «Иван Мазепа», «Богдан Хмельницкий», «Іван Сирко», «Казаки украинские» и др. Из газет можно также узнать о Падуре как о переводчике произведений Джорджа Байрона, Томаса Мура и Адама Мицкевича. Последний всплеск бунтарского духа Тимка Падуры отмечен в произведении «Гетманцы. Песнь о путешествия Чайльд Гарольда по Славянщине», написанном в 1854 году под впечатлением крестьянских восстаний на Западной Украине. После этого Падура прекратил писать.

В целом можно убедиться, что в оценке творческого наследия происходит трансформация образа поэта и композитора в неординарную личность, поляка, который первым на Правобережье героизировал казачество, историческое прошлое и мечтал об общем будущем польского и украинского народов в едином государстве. Практически в каждой статье так или иначе эта мысль повторяется, ср.: «Томаш Падура – одна из тех незаурядных личностей, которая заставляет задуматься об объединении ради лучшего будущего для нас и наших потомков» («ВінницяОК»); «Тымко Падура – певец побратимства украинцев и поляков» («Міграція»); «Поэт болел за независимость Украины, Польши, Литвы и Беларуси. Свободолюбивые идеи, которые родились и развивались в недрах политики Запорожской Сечи, стали для него жизненной необходимостью» («Глобал аналітик»). «Украинский поляк в Российской империи всю жизнь мечтал о свободных украинском и польском государствах, которые вместе выступят против России» («Вежа»). «Самобытная фигура Томаша Падуры навсегда объ-

единила польскую и украинскую культуры» («ВЛАСНО.info»); «Тымко Падура ... положительно повлиял на сближение двух славянских народов» («Zhytomyr.travel»).

Высказанная Падурой идея необходимости польско-украинского единения превращает его в средствах массовой коммуникации в символ, масс-культурный бренд-name. Символизация образа Падуры предусматривает определенные алгоритмы мировосприятия и поведения, которые бы постоянно подтверждали значимость символа, его актуальность в общественном сознании. В связи с этим поддерживается интерес к польско-украинскому поэту не только политикой масс-медиа, но и проведением ряда культурных мероприятий, использования имени как бренда в названиях культурно-просветительских организаций и обществ.

Живой отклик в газетах нашли такие события, как установление мемориальной доски в честь Томаша Падуры в Ильинцах, 215 годовщина со дня рождения и нахождение места захоронения в Махновке, торжественное чествование 145-летия со дня смерти, концерт к юбилею «Томаш Падура – певец польско-украинского единения». Благодаря массмедиа известно о существовании общественной организации «Центр польской культуры им. Тимоша Падуры» (г. Казатин), польского общества им. Т. Падуры «Подольский цветок» в Казатинском районе, «Украинско-польском союзе им. Томаша Падуры» при Ровенском государственном гуманитарном университете, об улицах, названных его именем, во Львове и Казатине.

Примечательность этнической и культурной идентичности Т. Падуры поспособствовала возникновению идеи интенсификации польско-украинской межкультурной коммуникации и международного туризма в различных формах его проявления. Л. Нагорная, рассуждая о концепте «идентичности», утверждает, что он «является одним из фундаментальных универсальных культурных концептов, которые отражают общекультурные и общегуманитарные ценности туризма, аксиологические мотивы путешественников и принимающих сообществ, таких как «аутентичность», «этика туризма», «устойчивый туризм», «культурное наследие», «культурный туризм», «наследственный туризм», «волонтерский туризм», «примиренческий туризм» и другие» (Нагорная 2013: 166). С этим мнением трудно не согласиться, поскольку туризм, который может развиваться вокруг имени Т. Падуры, способен наполняться различными смыслами. Не удивительно, что СМИ проявили интерес к заседанию организационного комитета по вопросам открытия и установки памятника Томашу Падуре в с. Махновка («Укринформ»), проведению фестиваля и разработки туристического маршрута («ВЛАСНО.info»). Сообщается об обсуждении двух проектов памятника: первый – в форме торбана в обрамлении украинской венка с лентами, второй – передает колорит содержания песен «Hej, sokoły!»

и «За Сибирью солнце всходит». Газеты цитируют решения местных общин о необходимости создания не только туристической локации, но и организации соответствующего сервиса, чтобы туристы имели возможность посещать эти места в любое время года. Выражают также надежду, что *«вскоре на центральной дороге, ведущей из Винницы в Бердичев, появится указатель, который поможет посетить место упокоения Тимка Падуры. А сама плита будет должным образом упорядочена и отреставрирована»* («20 хвилин»).

То, что уже сделано прессой, общественностью и администрацией, и то, что только планируется, порождает новые мотивы и стимулы для дальнейшей символизации образа поляка Т. Падуры как украинофила и может рассматриваться как системообразующий фактор гармонизации польско-украинских отношений на уровне общин, городов, государств.

Таким образом, одним из инструментов формирования образа украинско-польского поэта Томаша Падуры являются средства массовой коммуникации. Систематические и целенаправленные сообщения о его жизни, взглядах и творчестве как олицетворении подвижнической идеи польско-украинского единения формируют не только общественное мнение о Томаше Падуре, ценностные ориентиры, но и способствуют превращению в символ, прагматический потенциал которого отмечен несколькими функциями: историко-типологической, которая позволяет проследить основные этапы эволюции образа; методологической, которая подчеркивает его значимость для современного общества; коммуникативной, обеспечивающей непрерывное удержание внимания на объекте, и маркетинговой, продвигающей имя Т. Падуры как бренд с точки зрения коммерческой успешности.

Проблема интерпретации медиаобраза Томаша Падуры достаточно перспективна, в частности ее можно изучать на материале польских масс-медиа, что позволит сравнить восприятие фигуры поэта на межнациональном и межкультурном уровнях.

Бібліографія

- Брацкі А., 2013, *Українська мова у творчості Томаша Падури*, „Мовні і концептуальні картини світу”, вип. 43 (1), с. 185–192.
- Гнатюк В., 2002, *Тимко Падура в українському історично-культурному процесі [в:] Українська школа» в польському романтизмі*, ред. С. Ткачова, Тернопіль.
- Гребенка Е., 1841, *Ластівка*, Санкт-Петербург.
- Єршов В., 2008, *Польська література Волині доби романтизму: генологія мемуаристичності*, Житомир.
- Карабан Л., 2014, *Томаш Падура: відомий і невідомий*, „Проблеми слов’язнавства”, вип. 63, с. 113–122.
- Липпман У., 2004, *Общественное мнение*, пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко, Москва.

- Нагорна Л., 2013, *Образ міста: регіональні аспекти вітчизняної візуалізації*, „Регіональна історія України. Збірник наукових статей”, № 7, с. 127–146 [online] http://resource.history.org.ua/publ/regions_2013_7_127 [04.07.2019].
- Радовський В., 2016, *Тимко Падура: «Легковажністю є тикати фальш в історію!» чого вартує один рядок барда з Махновки* [в:] *Волинь-Житомирщина: Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. На пошану професора Володимира Олеговича Єршова*, вип. 27, с. 32–41.
- Стеблій Ф. І., 2012, *Руська Трійця*, 2012 [online] http://www.history.org.ua/?termin=Ruska_Trijtsia [13.10.2019].
- Тимко Падура [online] https://uk.wikipedia.org/wiki/Тимко_Падура [13.10.2019]
- Ingot M., 1984, *Bard literackiej mody (O poetyckiej karierze Tymka Padurry)* „Przegląd Humanistyczny”, № 2, s. 34–48.
- Tomasz Padura [online] https://pl.wikipedia.org/wiki/Tomasz_Padura [18.11.2019]

UKRAINOPHILIA AS A NOTABLE TRAIT OF THE MEDIA IMAGE OF A POLISH-UKRAINIAN POET TOMASZ PADURA

Summary

The article shows the specific features of the formation of Tomasz Padura's media image and its transformation into a symbol of the Polish-Ukrainian unity. It has been proven that the attention of the Ukrainian mass media is concentrated on the most weighty and outstanding facts of the poet's life and work. Those facts represent several informative aspects: narrow biographical, ideological, creative, memorial, and futuristic. Each of those aspects has its content aimed at the melioration of Tomasz Padura's image as an exemplary Polish Ukrainophile, a symbol of the Polish-Ukrainian unity. The symbolization of this image has several functions: the historical-typological one allowing to trace the main stages of the image transformation; the methodological one which stresses its significance for the contemporaries; the communicative one which ensures the continuous attention to the poet, and the marketing function promoting Tomasz Padura's name as a brand from the point of view of the commercial success.

Key words: Tomasz Padura, Polish-Ukrainian poet, media image, symbol, Ukrainophilia, mass media